

Чарская Лидия Алексеевна

Евфимия Старицкая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л55

Л55 **Лидия Алексеевна Ч.**
Евфимия Старицкая / Чарская Лидия Алексеевна – М.: Книга по Требованию, 2024. –
263 с.

ISBN 978-5-521-29795-5

ISBN 978-5-521-29795-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

«Жаловати есьмы своихъ
холопей вольны, а и казнити
вольны ихъ есьмы».

Подлинныя слова Іоанна
Грознаго.

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

Страшная година выдалась на землѣ русской...

Царь всея Россіи Иванъ Васильевичъ, разгнѣванный на крамолы боярскія, рѣшилъ оставить землю московскую и искать пристанища въ чуждой Нѣметчинѣ...

Въ концѣ 1564 года собралъ царь дворянъ, приказныхъ людей и дѣтей боярскихъ и тронулся съ ними изъ Москвы по направленію села Коломенскаго.

Потянулся на нѣсколько верстъ пышный поѣздъ царскій. Скрипѣли по рыхлому снѣгу полозья пошевень ¹⁾, скакали стрѣльцы, съ гиканьемъ и посвистомъ, разгоняя народъ; тянулись телѣги обоза съ разною кладью и казною царской, съ утварью и одежами дорогими, въ большихъ укладкахъ ²⁾ схороненныхъ.

И дивился диву народъ: куда-де царь батюшка путь держить?

Сказано было и чернымъ ³⁾ людямъ и гостямъ московскимъ и самимъ боярамъ, виновникамъ отъѣзда царева, что больно недуженъ царь и что ѣдетъ онъ съ царицей молодой Маріей Темрюковной и обоими царевичами да царевной по-

¹⁾ Саней.

²⁾ Сундукахъ.

³⁾ Простому народу.

клониться святынямъ Троицкимъ... И раньше „обѣзжалъ“, государь монастыри православные, но не бралъ съ собою столько клады и челяди, не бралъ казны и дѣтей боярскихъ съ ихъ чадами и домочадцами.

Ровно черезъ мѣсяцъ по выѣздѣ изъ Москвы царя, 3-го января 1565 года разсѣялось недоумѣніе народное. Прискакалъ дьякъ государевъ Константинъ Поливановъ съ двумя грамотами отъ батюшки-царя, остановившагося въ селѣ Александровскомъ, находившемся отъ Москвы въ 80-ти верстахъ.

Въ одной грамотѣ на имя Московскаго владыки митрополита Афанасія говорилось, что дюже гнѣвенъ царь на архіепископовъ, епископовъ, на бояръ, окольныхкихъ и думу боярскую, отъ которыхъ до сей поры, во все свое царствованіе, однѣ, почитай, крамолы да измѣны зрилъ.

Кончалась грамота такъ: „Царь отъ великой жалости сердца, не могши ихъ многихъ измѣнныхъ дѣлъ терпѣть, оставилъ свое государство и поѣхалъ гдѣ-нибудь поселиться, гдѣ Богъ наставитъ“.

Въ другой грамотѣ, присланной царемъ народу московскому, было сказано, что на народъ свой царь опалы не кладетъ и не гнѣвается.

Воплемъ и стенаніемъ наполнилась столица московская... Горько рыдалъ, покинутый царемъ, русскій народъ... Въ отчаяніи бросился онъ къ митрополиту съ просьбой умолить царя не покидать родной земли: пусть-де государь не оставляетъ Руси... Пусть казнить злодѣевъ своихъ. Его царская воля.

Наскоро было составлено посольство, состоящее изъ духовенства, въ числѣ котораго были и новгородскій архіепископъ Пименъ, и чудовскій архимандритъ Левкій; кромѣ того отправились къ царю князья-бояре: Иванъ Θεодоровичъ Мстиславскій да Бѣльскій князь, Иванъ Дмитріевичъ.

Крѣпко молили они царя не покидать земли русской. Воплемъ да рыданіемъ челобитѣе свое скрѣпляли.

Выслушалъ царь пословъ и смягчился душою, умилился; обѣщалъ остаться на Руси съ тѣмъ, чтобы не мѣшали ему карать измѣнниковъ и ввести новые порядки въ землѣ русской, согласно его, цареву, усмотрѣнію.

Вернулось успокоенное посольство въ Москву, а вслѣдъ за нимъ прискакалъ новый гонецъ съ новой царской грамотой, въ которой выставлены были условія царскаго возвращенія.

Тяжелы были эти условія, но еще тяжеле было-бы лишиться царя землѣ русской, и охотно согласился на нихъ измученный, перепуганный на-смерть поступкомъ царя, народъ.

Прежде всего набралъ царь особую стражу тѣлохранителей изъ дѣтей боярскихъ самаго незнатнаго рода, но отличавшихся храбростью и удалю. Эти люди, называемые опричниками (отъ слова опричь, т.-е. кромѣ, такъ какъ кромѣ царя ничего не знали), и составили новый дворъ Ивана Васильевича, поселившагося отнынѣ въ Александровской слободѣ.

Имъ даны были песьи головы да метлы въ знакъ того, что они должны выметать измѣну на Руси и грызть враговъ царскихъ. Число ихъ доходило въ началѣ до 1000, а потомъ достигло и 6000.

Страшную клятву давали они передъ поступленіемъ въ число царскихъ тѣлохранителей: не щадить ни жены, ни дѣтей, ни отца, ни матери, ради спокойствія государева.

На содержаніе своего новаго двора царь назначилъ особые города и волости: Можайскъ, Вязьму, Козельскъ, Перемышль, Суздаль, Галичъ, Вологду и др. Въ самой Москвѣ отдалъ нѣкоторыя улицы въ распоряженіе опричины (Чертольскую, Арбатъ, Сивцевъ Вражекъ, часть Никитской и др.).

Все же остальное государство составляло земщину. Царь поручилъ его боярской думѣ, во главѣ съ князьями Бѣльскимъ и Мстиславскимъ.

Кромѣ того царь велѣлъ выстроить себѣ новый дворецъ за Неглинной, между Арбатской и Никитской улицей, гдѣ и останавливался во время своихъ наѣздовъ въ Москву изъ Александровской слободы.

Большой же Кремлевскій дворецъ оживлялся теперь лишь во время пріемовъ посольскихъ, либо при особо-важномъ рѣшеніи думы царской, собиравшейся въ такихъ случаяхъ ради большей торжественности въ Большой Грановитой палатѣ.

Какъ только покончилъ царь Иванъ Васильевичъ съ новымъ устройствомъ, начались розыски и казни боярскія. Казнили крамольниковъ, а съ ними казнили и невинныхъ, взятыхъ по одному пустому подозрѣнію. Полилась рѣкой кровь православная! Задрожала святая Русь, припомнивъ во-очію времена татаръ и нашествія Батыева.

Тысячами гибли люди въ застѣнкахъ, пытаемые и заму-

чиваемые до полусмерти; тысячами умирали они на плахахъ и висѣлицахъ по одному навѣту царскихъ наушниковъ.

Опричники, забравшіе въ свои руки власть, не упускали случая обогащаться на счетъ родовитыхъ бояръ земскихъ. Зная немилостивое отношеніе Ивана къ послѣднимъ, они обличали несчастныхъ, подводили ихъ подъ топоръ и висѣлицу, а имѣнье ихъ разоряли, забирая все цѣнное въ свои руки. Гибли и правые и виновные—отцы, мужья и братья, а жены и дочери, и сестры казненныхъ отдавались царемъ на потѣху крошниковъ¹⁾.

На дыбахъ и висѣлицахъ, въ застѣнкахъ тюремъ звучалъ плачь, ласкающій слухъ ожесточеннаго государя...

„Плакала Русь кровавыми слезами“, — говоритъ лѣтописецъ. Но не слышалъ, казалось, Иванъ Васильевичъ этого плача русскаго...

Слишкомъ ужъ много горя принесли ему бояре-крамольники въ самомъ раннемъ дѣтствѣ, въ самомъ юномъ отрочествѣ и младости, чтобы могъ приклониться къ ихъ плачу милостивымъ ухомъ Иванъ. Только когда слишкомъ громокъ и страшенъ былъ этотъ плачь, слишкомъ явственно долетали до царя скрежетъ зубовъ и стоны страдальцевъ, бросался царь въ безумныя оргіи, тѣшился дикими забавами и разнузданнымъ развратомъ, часто заканчивающимися новыми потоками крови человѣческой.

Хотѣлъ виномъ и сладострастнымъ разгуломъ утишить царь голосъ совѣсти, поднимающійся со дна его души въ защиту невинно-убіенныхъ.

Тяжелое время переживала Русь... Казалось, Самъ Господь за грѣхи народа православнаго посѣтилъ Своей карой небесною великое московское царство...

¹⁾ Такъ называли москвичи опричниковъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Въ Слободѣ.

Прошло три года...

Свѣтлая іюльская ночь стоитъ надъ селомъ Александровскимъ или Слободою, какъ его издавна называли современники. Круглый, полноликій мѣсяцъ льетъ потоки свѣта на слободскіе дома и улицы; свѣтозарными бликами играетъ онъ на разноцвѣтныхъ изразцахъ-кирпичикахъ теремныхъ башенекъ причудливо-хитро размалеваннаго царскаго дворца. И ни одинъ то кирпичикъ, ни одинъ столбикъ не похожъ на другой по замыслу рисунка и красокъ. И сіяютъ, и отливаются эти яркіе разноцвѣтные столбики и плиты на подобіе многоцвѣтной радуги въ лучахъ золотого мѣсяца. Серебряною чешуею крыты черепицы кровель теремныхъ и дивно сверкаютъ онѣ въ этомъ ночномъ освѣщеніи.

Играютъ лучи мѣсяца и на куполѣ слободскаго храма, во имя Покрова Богородицы, заложеннаго еще великимъ княземъ Василиемъ въ бытность его здѣсь съ супругою Соломонидой, въ послѣдствіи насильно постриженною инокинею.

Ударяютъ лучи и въ высокую звонницу ¹⁾ и горитъ она своимъ мѣднымъ куполомъ, словно громадная жаръ-птица въ мѣсячномъ сіяніи... Играютъ лучи и на потемнѣвшей поверхности извилистой рѣчки Сѣрой, прорѣзывающей слободу, и на двухъ прудахъ, находящихся по ту сторону высокаго за-

¹⁾ Колокольня.

мста ¹⁾ и крѣпкой стѣны каменной, окружающихъ фантастическое зданіе царскихъ палатъ.

Страшны эти пруды однимъ своимъ видомъ для слобожанъ: много труповъ крамольниковъ, а наравнѣ съ ними и невинныхъ мучениковъ, брошены туда на съѣденіе рыбамъ и ракамъ.

Освѣщаютъ серебряные лучи и страшныя висѣлицы, поставленныя на площади дворцовой, прямо передъ самымъ крыльцомъ царскимъ, и черный срубъ плахи, съ заготовленнымъ на немъ топорикомъ, отточеннымъ „случая ради“. Скрипятъ при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра высокія висѣлицы своими черными перекладами, а надъ ними носится стая голодныхъ вороновъ, чующихъ скорую добычу.

Спятъ Слобода, новая резиденція царева... крѣпко спить... Не видно прохожихъ ни на теремной площади, ни на торговомъ крестцѣ ²⁾, примыкающемъ къ заднему фасаду государевыхъ палатъ. У высокой стѣны и замета ходятъ часовые воротники ³⁾ и изрѣдка прорѣзываетъ тишину ихъ гулкій окрикъ: „Кто идетъ?“

И снова все тихо, тихо, какъ въ могилѣ...

Въ десять часовъ все уже смолкаетъ въ Слободѣ... спятъ удалые опричники, спятъ молодые и старые, зная, что какъ ни крѣпокъ ихъ сонъ, а на зарѣ утренней разбудитъ ихъ гулкій ударъ церковнаго колокола, призывающаго въ храмъ. И бѣда ослушнику, пренебрегшему церковнымъ моленіемъ. Одинаково усерденъ какъ въ лютыхъ казняхъ, такъ и въ молитвахъ покаянныхъ великій царь. Подвергаетъ онъ нерадивыхъ молельщиковъ осьмидневному заключенію на хлѣбъ и на воду. А кто и второй разъ опростоволосится, того, заподозривъ въ ереси и чернокнижнѣ, и много почувствительнѣе накажетъ царь.

Но не всѣ спятъ по своимъ домамъ слобожане. Двое молодыхъ мужчинъ, почти юношей, тихонько пробираются вдоль замета къ главной заставѣ дворцовой ограды. Одѣты оба въ дорогіе кафтаны, отороченные соболемъ и шитые золотымъ шитьемъ по рукавамъ и поламъ, опоясанные серебряными поясами заморской чеканки. У поясовъ бряцаетъ драгоценное ору-

¹⁾ Валъ со рвомъ.

²⁾ Торговые ряды.

³⁾ Сторожа, привратники,

жіе—пожъ да бердышъ ¹⁾), выложенные золотомъ съ чернью. На головахъ ихъ надѣты низенькія шапки-мурмолки съ перьями заливчатскими, на ногахъ сапоги сафьяновые, нѣмецкой кожи, серебряными подковами подбитые.

Старшій изъ юношей, красивый, коренастый, широкоплечій, представлялъ изъ себя тотъ завидный типъ русскаго богатыря-красавца, который снится не однажды въ сладкихъ грезахъ русскимъ краснымъ дѣвицамъ да московскимъ молодыцамъ: взоръ соколиный, грудь и плечи косая сажень, кудри шелковые, уста медвяныя, да бородка курчавится себѣ на утѣху, дѣвкамъ на радость.

Спутникъ его и ростомъ поменѣ будетъ и изъ себя потще-душнѣе, и лицо его словно бы не мужское, а женоподобное. Глаза кроткою печалью да ласкою свѣтятся, на плотно сомкнутыхъ устахъ чуть примѣтная для взора, невеселая усмѣшка играетъ. Блѣдныя щеки чуть прикрыты первымъ пухомъ юности. Но что-то добродушное, почти дѣтское, хотя и печальное свѣтитъ въ этихъ кроткихъ очахъ, въ этомъ юномъ лицѣ пригожемъ...

Въ то время какъ юноши успѣли приблизиться къ замету и каменной оградѣ, ихъ громко окликнулъ голосъ стражника:

— Кто идетъ?

— Съ царскаго обхода охранники государевы, аль не узналъ, друже? — прозвучалъ въ отвѣтъ голосъ младшаго прохожаго.

— Ты, Максимъ Григорьевичъ? Не призналъ. Вишь, мѣсяцъ за тучку схоронился, не обезсудь, бояринъ! — И голосъ стражника, рѣзкій и грубый при окликѣ, неожиданно зазвучалъ ласковыми, заискивающими потами.

Поднялась и снова опустилась за пришельцами тяжелая застава. Заскрипѣли желѣзные ворота и снова закрылись, пропустивъ обоихъ юношей во внутрь государева двора.

Они миновали площадь со срубами и висѣлицею, и красное крыльцо, и брусяную ²⁾ избу, и терема царицны, и стольню ³⁾ государеву и, повернувъ за уголъ, уперлись въ крыльцо обширной избы, находящейся рядомъ съ главнымъ зданіемъ „пытомаго“ отдѣленія или „застѣнка“ теремнаго.

1) Топорикъ.

2) Пріемная изба.

3) Столовая.

Оба юноши поднялись по ступенькамъ, вошли въ прохладныя сѣнцы и очутились въ небольшой, но уютной горницѣ.

Ихъ очевидно ждали. На столѣ, укрытомъ расписною скатертью, стояло блюдо съ курникомъ и жареною утицей, приправленною черносливомъ. Тутъ-же помѣщались и увѣсистые ковши съ олуемъ ¹⁾ и брагою и бутылка искристаго фряжскаго ²⁾ вина.

Два шандала литой мѣди, со вставленными въ нихъ салными свѣчами, скупо освѣщали столъ и горницу, и лавки постѣйныя, крытыя суконными полавошниками ³⁾, и небольшое скромное ложе въ углу, подъ самою божницею, слегка задернутой убрисцемъ ⁴⁾.

Младшій юноша поспѣшно сбросилъ съ плечъ кафтанъ и остался въ одной рубашкѣ изъ алаго шамаханскаго шелка. Онъ оглянулъ ласковымъ взоромъ горницу и тихо произнесъ съ нѣжной усмѣшкой:

— Все матушка... Не пойдетъ ко сну допрежъ того, штобъ обо мнѣ не позаботиться... И браги, и фды, всего понаставила. Садись, Истома Никитичъ, гостемъ будешь...

— Да поздно, друже...—нерѣшительно отозвался тотъ.

— Ништо... Намъ ни впервой полунощнить... Дѣло государево сдѣлали, можно и отдохнуть, я чаю... Слыхалъ ты, какъ меня стражникъ величалъ намедни? Бояриномъ, слышь!... и не брехомъ назвалъ, а съ умысломъ... Лестно сыну Скураты-Бѣльскаго угодить подлымъ людишкамъ. Я чаю, батюшка, какъ услышалъ бы то, до небесъ подпрыгнулъ... Казной бы не поскупился, озолотилъ бы ретиваго воротника. Ему, почитай, днемъ и ночью боярская шапка грезится. То окольничьимъ, то оружничьимъ царскимъ мнить себя! Да куды ужъ! Намедни просилъ щаря, а осударь, вѣдаешь, что отцу отвѣтствовалъ?

— Не вѣдаю,—отозвался тотъ, кого звали Истомой Никитичемъ, прихлебывая изъ ковша пѣнистую брагу.

— А то и отвѣтствовалъ, што не гоже приспѣшнику-палачу паравиѣ съ именитыми боярами русскими стоять. Соба-

1) Пиво.

2) Виноградное вино.

3) Покрышка на лавки.

4) Занавѣска на кіотахъ.

кой при томъ обозвалъ и отпустилъ ни съ чѣмъ. Дюже гнѣвенъ вернулся тогда отъ царя батюшка... Весь боярскій родъ уничтожить грозился... А чья вина, на себя пѣнай: душегубствомъ да наушничествомъ не дойти до чина боярскаго.

При послѣднихъ словахъ глаза юноши потеряли свой кроткій взоръ и горѣли теперь словно уголья. Голосъ окрѣпъ отъ гнѣва... Кудри, разбросанные вокругъ чела, красиво обрамляли пушистыми прядями лицо его... Онъ былъ чудно прекрасенъ въ эту минуту глубокаго волненія.

— Полно, Максимъ Григорьевичъ! не расгравляй сердца зря!—невольню любуюсь пріятелемъ, произнесъ Истома Никитичъ,—для иного прочаго побереги его!

— Не на што беречь, Истомушка! Не для дѣвокъ же красныхъ беречь ретивое. Не про меня это писано... Въ другой разъ и сунулся-бы, да какъ попамятую, что сынъ я подлаго ката ¹⁾ російскаго, душегубца, мучителя, такъ меня индо и отбросить въ сторону. Кто изъ дѣвокъ, скажи, пожелаетъ породниться съ Малютою? Его сыну Максимкѣ женою стать?

— Окстись, Максимъ! Нешто такъ можно, — остановилъ его Истома,—въ заповѣдяхъ сказано: чти отца твоего и матерь твою...

— Я и чту матушку, родимую мою! Видитъ Богъ, чту!— произнесъ пылко молодой Скуратовъ,—да пойми ты, друже, что отцомъ то я палача признать не могу! Уйду я, Истома, видитъ Богъ, уйду отселева!

— Што-жъ такъ?

— Не вмоготу, друже, терпѣть мнѣ это лихо стало! Кабы не матушка, да не Русь святая, убѣгомъ убѣгъ къ султану турецкому, али къ Жигимонту ляхскому, какъ Курбскій князь.

— Окстись!.. што ты! непристойно говоришь!—съ неподдѣльнымъ ужасомъ остановилъ его Истома Никитичъ.

Горько усмѣхнулся Максимъ... Кивнулъ головой другу.

— Не тревожься, не буду я перебѣжникомъ. Хоша и сынъ я Малюты, а совѣсть во мнѣ есть... А вотъ што отселева уйду и вскорости, такъ это вѣрно. Ты, чаю, замѣтилъ, какъ мы обходъ по царскому наказу (сегодня дѣлали, въ го-

¹⁾ Палача.

стиной избѣ на торжищѣ мниха-чернеца примѣтилъ?.. Этотъ мнихъ съ поборами сюда изъ Новгорода пришелъ, дюже хвалилъ обителѣ тамошнія... Слушай, друже, не вмоготу мнѣ стало видѣть кровь невинную, коя кругомъ насъ льется...

— Льется кровь крамольниковъ, — сурово остановилъ Истома рѣчь пріятеля.

— Не все крамольники: и зря убіенныхъ посчитать, такъ не мало начтешь... Что Александра князь Горбатый, Шуйскій съ сыномъ то-жъ мятежники? Аль князь Шевыревъ мученикъ, а окольничій Головинъ? А по грамотамъ подметнымъ, што отъ круля яко-бы подосланы, о коихъ розыскъ чинился кровавый, мало што-ль къ винѣ не причинныхъ нашлось? Князь Куракинъ-Булгаковъ, Пропскій бояринъ, Козаринъ, Дубровскій, а Ростовскій князь воевода... Сколько годовъ служилъ вѣрой и правдой царю, а што себѣ уготовилъ! Въ омутѣ могилу нашель...

— Воля государева, — тихо и сурово произнесъ Истома.

— Воля государева, говоришь ты! Полно, друже, воля палачей, приспѣшниковъ царскихъ... Царь справедливъ и милостивъ допрежъ сего былъ, вонъ старые люди гуторять¹⁾. А какъ приблизилъ къ себѣ шакаловъ-кровопійцъ, въ родѣ осударя-батюшки, такъ совсѣмъ на иной ладъ пошло...

— Не наше дѣло! — произнесъ уклончиво Истома. — Велятъ старшіе — рубишь, не велятъ — милуешь! На томъ и крестъ цѣловали.

— Да и я цѣловаль... Не по волѣ только...

И говоря это, вспыхнулъ по самыя очи Максимъ, точно что соромное²⁾ вспомнилъ.

Вспомнилъ молодой опричникъ, какъ два мѣсяца тому назадъ, послѣ долгихъ пререканій и споровъ, происходившихъ между нимъ и отцомъ, изъ-за нежеланія Максима вступить въ опричину, вошелъ къ нему въ горницу отецъ и, нахмурившись, наказалъ Максиму либо крестъ цѣловать на вѣрность государевой службы опричной, либо изъ слободы вонъ убираться.

— Потому не пригодно мнѣ изъ-за пащенка постылаго подъ гнѣвъ царскій подпадать, — крикнулъ тогда Малюта. —

1) Говорять.

2) Безстыдное.